

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.34.2>
<https://elibrary.ru/cdeoco>
<https://zoobank.org/References/F4FCE8A8-865E-4239-BD90-69AA98874942>

**УССУРИЙСКИЕ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1926-1929 гг.)**

Е.В. Новомодный

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены объективные и субъективные причины, благодаря которым высококлассные зоологи-систематики Зоологического музея Академии наук из Ленинграда в 1926-1929 гг. впервые организовали ряд научных экспедиций на Дальний Восток. Уточнен состав их участников. Автор отмечает, что в данном случае немаловажную роль сыграли неординарные энтомологические сборы из Южного Приморья, сделанные молодым, только начинавшим свой путь в науке А.И. Куренцовым. Для справки в статье и приложении процитированы экспедиционные отчеты, взятые из почти столетних публикаций, в том числе переводы с немецкого языка.

Ключевые слова: история изучения, насекомые, фауна, Дальний Восток России.

**USSURIAN ENTOMOLOGICAL EXPEDITIONS OF THE ZOOLOGICAL
MUSEUM OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (1926-1929)**

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia
E-mail: evgenov@mail.ru

Abstract. Objective and subjective reasons are considered, due to which highly qualified zoologists-systematists of the Zoological Museum of the Academy of Sciences from Leningrad in 1926-1929. for the first time organized a number of scientific expeditions to the Far East. The composition of their participants has been specified. The author notes that in this case an important role was played by the extraordinary entomological collections from the Southern Primorye, made by the young A.I. Kurentsov. For reference, expedition reports are cited, taken from almost a century of publications, including translations from German.

Keywords: history of investigation, insects, fauna, Russian Far East.

Будучи непосредственным участником событий, корифей местной энтомологии профессор А.И. Куренцов считал, что «все энтомологические исследования, выполненные за годы советской власти на Дальнем Востоке,

можно разделить на два периода: первый – от первых лет революции до начала организации во Владивостоке Дальневосточного филиала Академии наук СССР в 1932 г., и второй, охватывающий время до 1967 г. включительно. Первый будет характеризоваться развитием оживленной экспедиционной деятельности преимущественно зоологических и других учреждений западных частей Союза. Во втором периоде все основные зоологические, и, в частности, энтомологические исследования выполнялись уже многими местными научными организациями» (Куренцов, 1970). Целью нашего сообщения является анализ мотивации активных экспедиционных исследований зоологов в обозначенный им начальный период, и той роли, которую, вероятно, сыграли энтомологические сборы А.И. Куренцова в стимулировании данного процесса, сопровождавшегося «уникальными» научными результатами (Смирнов и др., 2016).

Для понимания истоков находящегося на рассмотрении явления в истории отечественной энтомологии вспомним порядок исследования территорий, приобретенных согласно договорам, заключенным между Россией и Цинской империей в 1858 и 1860 гг. Первые сборы насекомых здесь сделали ученые-путешественники из Санкт-Петербургской (Императорской) академии наук и Императорского Русского географического общества: Л. фон Шренк, А. фон Миддендорф, К. Максимович, Г. Радде и Р. Маак. Естественно, что их материалы были весьма фрагментарны, ведь «путешественник, захваченный разнообразием стоящих перед ним задач и ограниченный односторонностью своей подготовки, неизбежно становится только наблюдателем, а не исследователем», – так в 1920 г. объяснял причины этого эффекта академик-востоковед С.Ф. Ольденбург. «Путешествия отжили уже свой век как способ научного исследования и должны быть заменены научными экспедициями: каждый раз с определенными целями в определенных рамках» (Ольденбург, 2017). И, действительно, отечественные этнографы практически сразу взяли себе на вооружение этот метод, однако большинству их коллег-зоологов он был до революции недоступен. Зато именно так вели себя на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. западные коллекторы «натуралиев» Г. Христоф, Л. Грезер, О. Герц, Б. фон Бодемейер, супруги Корб, братья Дёррисы и Рюкбейли. Они выбирали местность, интересную с точки зрения поставленных целей, и подолгу ее обследовали. Причем всегда старались через некоторое время вернуться, чтобы повторно обыскать и найти пропущенное в первый раз. В предыдущих выпусках «Чтений памяти А.И. Куренцова» можно найти наши описания дел и достижений каждого из них.

Естественно, что результаты полевых работ иностранцев на российских окраинах всегда привлекали внимание научных сотрудников Зоологического музея [далее – ЗМ] Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Чаще всего они могли им только завидовать, так как уезжать в подобные далекие и длительные экспедиции они не имели права, – оставлять производство было не на кого. В штате учреждения (на 1914 г.) «научников» было всего 12 человек! Как сообщает знаток истории ЗМ к.б.н. Н.В. Слепкова (2019), выручали «лица, не состоявшие на службе в Академии. Наиболее заслуженные из них [по коли-

честву и качеству сборов] в соответствии с порядками, вошедшими в употребление еще при директоре Ф.Д. Плеске, избирались в число корреспондентов Зоологического музея [с 1895 г. таких набралось 37 человек], «принесших особую пользу музею и утвержденных в этом звании Императорской академией наук». Им полагалась прибавка к государственной пенсии. «Кроме корреспондентов, сбором коллекций для музея занимались многочисленные лица, которым выдавали необходимые для этого инструкции, субсидии и снаряжение». Этим добровольцев в 1916 г. насчитывалось 92. «Для таких лиц Зоологический музей в течение длительного времени издавал серию «Наставлений для собирания коллекций» (Слепкова, 2019). Однако в годы империалистической и гражданской войн, экономической разрухи и двух социальных революций старый порядок поступления коллекций дал сбой: поток материалов по отечественной фауне для научной обработки резко оскудел, а ведь эта работа, по сути, является предназначением ЗМ!

Выходом из сложившейся ситуации стала организация собственных экспедиций, чему способствовала изменившаяся в ЗМ обстановка. Во-первых, «в 1917 г., после Февральской революции, единоличная власть директора сменяется более демократичными формами правления». Главным органом учреждения становится Совет ЗМ, «образующийся под председательством заведующего музеем <...> из лиц штатного ученого персонала и выборных представителей от коллектива постоянных ученых сотрудников и от штатного и вольнонаемного технического персонала музея». Во-вторых, «революция заставила устроиться на работу в музей многих специалистов, сотрудничавших с музеем и утративших из-за революционных событий средства к существованию». В начале 1919 г. сотрудников ЗМ было «уже 51 человек. Изменения в штатах были произведены по постановлению Совета музея, по крайней мере, так сказано в отчете. Люди, принятые в музей в 1918 г., активно работали в зоологии и раньше». В-третьих, в «Положении о Совете Зоологического музея» предполагалось «коллегиальное решение всех важнейших вопросов, связанных как с научной, так и с финансовой деятельностью музея». «Положение» действовало до 1930 г. (Слепкова, 2019). Видимо, именно коллективный орган, Совет ЗМ, который в реальной жизни, безусловно, состоял из неравнозначных по численности, авторитету и взглядам групп, объединенных производственными интересами и взаимной симпатией, поддержал инициативу организации музейных экспедиций для сбора коллекционных материалов. В перспективе они позволяли надолго загрузить обработкой целый коллектив специалистов-систематиков.

К сожалению, нам пока неизвестно, кем персонально была спланирована программа проведения исследований на Дальнем Востоке. Каким образом подбирались члены экспедиционных команд? По желанию или «к всеобщей пользе»? Как решался важнейший вопрос – финансирование? Напомним, что в это время в стране был период НЭПа, давший свободу предпринимательству, и коммерция стала совершенно обыденным явлением, а расчеты – наличными, что значительно упрощало дело. В свое время орнитолог, д.б.н. В.А. Нечаев, к

сожалению, ныне уже покойный, указал нам на последнее обстоятельство как главную причину удивительной в те времена легкости найма местных проводников и транспортных средств для заброски в лесные дебри.

На взгляд А.И. Куренцова (1959) экспедиции ЗМ двадцатых годов, по сути, являлись единым целым. Тогда он писал: «Одной из наиболее крупных зоологических экспедиций на Дальний Восток за советский период явилась экспедиция Зоологического института [точнее – музея] АН СССР в 1926-1929 гг. Она была укомплектована высококвалифицированными сотрудниками и покрыла своими маршрутами обширные территории бассейнов рек Амур и Уссури, горы Сихотэ-Алиня и Малого Хингана. С большой полнотой эта экспедиция провела фаунистические исследования по птицам (Л.М. Шульпин и Б.К. Штегман) и по млекопитающим (А.Н. Формозов и С.И. Оболенский) Приморья и Приамурья. Энтомологическими отрядами экспедиции проделана огромная работа по инвентаризации фауны насекомых. Особенно детально были развернуты работы по тем группам насекомых, сборы и изучение которых проводились под руководством наиболее видных наших энтомологов А.Н. Кириченко (клопы), А.В. Мартынова (ручейники), А.М. Дьяконова (чешуекрылые и стрекозы), Н.Н. Филиппева (молевидные чешуекрылые), А.А. Штакельберг (мухи) и К.А. Мордвилко (тли). Экспедиция занималась и изучением водных насекомых, исследованием пресноводного планктона, водных и наземных моллюсков» (Куренцов, 1959). В последнем замечании Алексей Иванович почему-то не сообщил, что это осуществляли П.Д. Резвой, специалист по планктону, губкам и мшанкам, и И.И. Соколов, изучавший водяных клещей и придонную фауну.

Возможно, А.И. Куренцов имел какие-то основания для подобного восприятия тех событий (со многими из этих людей был знаком лично, знал, что по мере возможности насекомых собирали все, а не только энтомологи), но на самом деле экспедиции разных лет носили свои особые названия: «Уссурийская энтомологическая Зоологического музея АН СССР 1926 года»; «Дальневосточная гидрофаунистическая Зоологического музея АН СССР 1927 года»; «Амурская зоологическая АН СССР 1928 года»; «[2-я] Уссурийская энтомологическая Зоологического музея АН СССР 1929 года». Поэтому специалисты, монографически описывавшие собранные в них материалы, непременно упоминали их в заголовках своих публикаций (см. Дьяконов, 1936; Резвой, 1931; Djakonov, [1933]; Filipjev, 1930a; Kirichenko, 1931; Meyer, 1930; Pleske, 1930; Rylov, [1933]; Smirnov, 1930; Stackelberg, 1930).

Итак, всего двенадцать сотрудников ЗМ официально входили в состав экспедиционных отрядов, работавших на Дальнем Востоке СССР, но из них только лепидоптерологи А.М. Дьяконов и Н.Н. Филиппев ездили дважды, – в 1926 и 1929 гг. Естественно, что их личности вызвали наш особый интерес.

Александр Михайлович Дьяконов (1886–1956) родился в дворянской семье профессора-правоведа Юрьевского университета Михаила Александровича Дьяконова (1855–1919). Школьные годы провел в классических гимназиях Санкт-Петербурга и Юрьева (ныне – г. Тарту, Эстония), окончив последнюю в

1906 г. В том же году он поступил на биологическое отделение физмата Юрьевского университета, но в связи с переездом родителей в столицу уже в следующем перевелся на тот же факультет Петербургского университета, где в 1912 г. получил диплом 1-й степени. Сразу по окончании вуза его пригласили в ЗМ для организации Отделения иглокожих, до того не существовавшего. В должности его заведующего, сначала в качестве младшего зоолога, а потом и старшего, он проработал до самой смерти. Свою специализацию как морского биолога (систематика иглокожих животных) он, по-видимому, выбрал во время первой в жизни экспедиции на Белое море, совершенной в 1906 г. под руководством профессора К.К. Сент-Илера – еще до поступления в вуз. В дальнейшем он неоднократно стажировался за границей, работал на морских биологических станциях. «Александр Михайлович много времени и сил отдавал научно-организационной работе в качестве члена Совета ЗМ (1918–1930), заместителя директора Зоологического института (1935–1938), ученого секретаря (1922–1932), а позже [в 1931–1935 гг.] – и вице-президента Русского [Всероссийского] энтомологического общества» (Смирнов и др., 2016).

Уже в детстве Александр проявил живой интерес к биологии, рано пристрастившись к коллекционированию и изучению чешуекрылых. Этой привязанности он остался верен на всю жизнь. Не случайно, что его первая научная статья – это описание нового вида пяденицы. Как лепидоптеролог, А.М. Дьяконов занимался почти исключительно этим семейством. На его счету сорок пять энтомологических публикаций (Рябов, 1958).

Домашнюю коллекцию описал Алексей Николаевич Дьяконов (1907–1989), знаток *Microlepidoptera* мирового уровня. «Каким бы коротким не было мое личное общение с дядей (едва ли полгода зимой 1922–1923 гг.), он повлиял на выбор моей специальности, а тем самым и на всю мою последующую жизнь. Никогда не забуду своего первого посещения его ленинградского дома, где в аккуратных шкафчиках по-книжному стояли в несколько рядов маленькие застекленные коробочки, и мой возглас восхищения при виде содержимого такой коробочки! Сотни мельчайших микрочешуекрылых, мастерски расправленных (мой дядя был виртуозом в препаровке и монтаже), – все было расположено в строжайшем порядке. Это был важный момент моей жизни, был сделан выбор специализации в энтомологии. Тогда мне было всего пятнадцать лет, и с тех пор я ни разу не пожалел об этом. Я помню высокого светловолосого мужчину лет тридцати пяти, всегда чрезвычайно доброго, внимательного и милого со мной. Незабываемые вечера энтомологических бесед, инструктажа и планирования совместных экскурсий последовали вслед за первым приходом, но, увы, слишком рано закончились в связи с моим отъездом из России» (Diakonoff, 1957). Необычной судьбе его племянника-эмигранта посвящена недавняя публикация (Шергалин, 2019).

Николай Николаевич Филиппев (1882–1943) был сыном банкира, директора Международного коммерческого банка в Санкт-Петербурге, действительного тайного советника Николая Ивановича Филиппева (1852–1917). Он родился в первом браке отца, но, видимо, рано остался без матери, так как несколько лет

спустя тот женился снова. Во втором браке детей было много, и один из них, Иван Николаевич Филипов (1889–1938–1940), приходившийся нашему герою сводным младшим братом, с самого детства был увлечен сборами насекомых, особенно бабочек. По свидетельству биографа, именно Иван, позднее ставший выдающимся фитогельминтологом, увлек этим занятием Николая, к тому времени уже юношу. Не смотря на то, что окончив Санкт-Петербургский технологический институт (1906), старший получил квалификацию инженера-технолога, «все более развивавшийся интерес Н.Н. Филипова к энтомологии и биологии в целом, привел его в стены Петербургского университета, где он слушал лекции по биологии и зоологии как вольнослушатель в течение четырех лет, с 1906 по 1910 г. Здесь же возникли его знакомство и деловая связь с Н.Я. Кузнецовым, работавшим в те годы на кафедре профессора Н.Е. Введенского. При участии Н.Я. Кузнецова Николай Николаевич начинает с 1911 г. работать как частное лицо в Отделении чешуекрылых насекомых Зоологического музея Академии Наук; здесь он вел разборку и определение коллекций по чешуекрылым и определял свои многочисленные сборы» (Кожанчиков, 1953).

В тот период он служил на частных заводах (1907–1911 гг.) и Николаевской железной дороге (1911–1919 гг.), но при любом удобном случае ловил и изучал бабочек окрестностей северной столицы. «За это время им была собрана большая личная коллекция чешуекрылых, включавшая почти все семейства этого отряда. <...> Одновременно со сбором насекомых, их монтировкой и определением, Н.Н. Филипов занялся подробным изучением фаунистической литературы по чешуекрылым. Знание многих языков позволило ему на дому составить картотеку географического распространения и библиографию почти для всех видов чешуекрылых насекомых фауны СССР. Позднее, после поступления в штат Зоологического музея Академии Наук, эта грандиозная картотека (более 100.000 карточек) была передана Н.Н. Филиповым в Отделение чешуекрылых» (Кожанчиков, 1953).

Еще до зачисления он начал большую работу по сведению в единую коллекцию всех материалов по пяденицам (Geometridae) и огневкам (Pyralidae). Из многих тысяч особей была составлена их прекрасная коллекция. «Эта работа очень углубила знания Н.Н. Филипова как лепидоптеролога и еще теснее связала его с энтомологическими кругами. Уже в 1912 г. [как и А.М. Дьяконов] он вступает в члены Русского Энтомологического общества, в котором позднее многие годы был членом правления и ученым секретарем». Выполняя громадную работу по разборке и постановке коллекций, он стал первым в нашей стране лепидоптерологом, достаточно компетентным в систематике микрочешуекрылых и способным к их самостоятельному изучению. «Н.Н. Филипов широко общался как с отечественными энтомологами, включая работников-практиков, так и с зарубежными учеными, – от лица Энтомологического общества и как знаток лепидоптеролог [то есть как частное лицо]» (Кожанчиков, 1953). С июля 1919 по 1941 гг. Н.Н. Филипов состоял в штате ЗМ. Его послужной список: научный сотрудник, ученый специалист, старший научный сотрудник Отделения чешуекрылых.

«Новое направление в работе Н.Н. Филиппева возникло в 1923–1924 гг., когда он получил на обработку *Microheterocera* [=Microlepidoptera] из южной Сибири от В.Д. Кожанчикова. Эти материалы настолько заинтересовали Н.Н. Филиппева, что получив командировку от Зоологического музея Академии Наук, он лично принял участие в изучении фауны чешуекрылых насекомых южного Енисея, проработав на базе Государственного Музея им. Н.М. Мартынова в городе Минусинске, совместно с В.Д. Кожанчиковым, лето 1924 г.». <...> «Интерес Н.Н. Филиппева к сибирской фауне чешуекрылых в дальнейшем усилился под влиянием богатых сборов А.И. Куренцова в южном Приморье, обработку которых Н.Н. Филиппев проводил на протяжении ряда лет. Этот интерес возрос настолько, что в 1926 и 1929 гг. Н.Н. Филиппев совместно с А.М. Дьяконовым совершил две экспедиции, каждый раз почти на весь вегетационный сезон, в район южного Приморья. На основе этих сборов и обширных материалов А.И. Куренцова им были опубликованы две работы по фауне Приморья» (Кожанчиков, 1953). Таким образом, по свидетельству И.В. Кожанчикова, именно интересные поступления от А.И. Куренцова вызвали у лепидоптерологов ЗМ горячее желание самим исследовать Дальний Восток! О каких коллекциях Алексея Ивановича здесь идет речь?

Вот что писал о них в 1926 г. Н.Н. Филиппев. «Материалом для этой статьи послужили сборы, сделанные в 1921 и 1922 гг. господином А. Куренцовым, главным образом, на Сучане. В них было добавлено очень мало видов из других мест этого района, происходивших от того же господина. Значительная часть сборов поступила в Зоологический музей, поэтому экземпляры всех приведенных здесь видов находятся в его коллекции. Другая часть была передана господином А. Куренцовым в музей Никольска-Уссурийского и Владивостока и профессору С. Четверикову [в Москву], а также господину Мольтрехту (Владивосток), и нами не изучалась. Хотел бы воспользоваться данной возможностью, чтобы поблагодарить указанного господина за его ценный подарок» (Filipjev, 1927; здесь и далее переводы с немецкого наши).

А вот слова самого А.И. Куренцова. «В 1921 году, работая с экспедицией [речь о Сучанской ботанической, проводившейся с 12.05 по 11.10 (Шишкин, 1923)] Южно-Уссурийского Отделения Географического Общества (далее – ЮУОРГО), я собрал материал, хранящийся в настоящее время в названном Обществе; в 1922 г. я продолжал работу прошлого года. Лепидоптерологические сборы последнего года достигли 8.000 экз., из которых часть оставлена во Владивостоке, а большая часть передана в Зоологический Музей Российской Академии Наук» (Куренцов, 1925). Летом 1920 г. в окрестностях г. Никольск-Уссурийский, где располагалось это учреждение, им было собрано около 4 тыс. экземпляров (Куренцов, 1922). Но куда они поступили неизвестно. Все три года он работал в качестве «младшего лаборанта для работ по энтомологии» Ботанического кабинета ЮУОРГО. Старшим – «для работ по ботанике» – был его друг Иван Кузьмич Шишкин. Как ботанические, так и энтомологические материалы использовались не только для научных исследований, но и для составления коллекций в мастерской учебных наглядных пособий с целью

реализации в дальнейшем. Нам не известно, какую часть сборов мог оставить себе коллектор, а какая поступала в собственность ЮУОРГО. Вышеприведенные свидетельства Филиппева и Куренцова тоже не вносят ясности. Важность этого обстоятельства заключается в степени свободы распоряжения собранными материалами: можно ли их дарить, одалживать, продавать и т.п.?

Н.Н. Филиппев приводит список географических пунктов, где происходил отлов бабочек, переданный ему сборщиком лично (Filipjev, 1927). Мы считаем полезным привести его, поскольку это ценное дополнение к опубликованному ныне дневнику поездки по тем же местам в 1928 г. (см. Чистяков, 2011). Их современные названия читатель также найдет в комментариях к дневнику.

«Хуалаза. Горная вершина высотой 1265 м, в 12 км южнее станции Кангауз. Сборы при свете костра, реже днем на лесных лугах. Растительность типично охотская.

Фанза. Станция узкоколейной железной дороги, окруженная лесистыми холмами высотой до 1000 м. Здесь бабочек собирали днем или при электрическом свете.

Кангауз. Начальный пункт узкоколейной железной дороги, расположенный на одноименной реке. Неподалеку перевал Сихотэ-Алинь и ряд довольно высоких сопок. Район лесистый с небольшими лесными лугами. Лов на свет или днем.

Кишмиш. Самая высокая станция узкоколейки, примерно в 2-х км от Моленной, в лесных дебрях; бабочки собирались днем и при свете ночью.

Лукияновка. Деревня у подножия г. Воробей; лес и разбросанные поля; сборы только днем.

Моленная. Узкоколейная железная дорога, 3-х км от Фанзы, на реке Моленной (притоке Сицы); сбор в течение дня.

Перевал. Перевал около станции Кангауз.

Пидан. Гора высотой 1330 м, в 22-х км к юго-западу от станции Кангауз. Бабочки собраны на заросших валунах, растительность охотского типа.

Сица. Станция узкоколейной железной дороги, окруженная скалистыми склонами, частью голыми, частью – поросшими лесом. Сбор в течение дня.

Сопка Тигровая. Гора высотой 1072 м, в 12 км от одноименной станции; бабочки собраны при свете костра и днем; растительность охотского типа.

Тереховка. Деревня недалеко от станции Сица.

Тигровая. Станция узкоколейной железной дороги, расположенная в среднем течении реки Сица, со всех сторон окружена лесами, лишь с несколькими возделанными полями. Лов на электрический свет. Большая часть сборов происходит из этого места.

Троицкое. Деревня, в 17 км западнее станции Кангауз.

Цамо-Динза. Гора высотой 1210 м, в 5 км к северу от Кангауза. Сборы днем или при свете костра. Растительность охотского типа.

Цань-Динза. Гора высотой 1230 м, расположенная в 12 км южнее Фанзы. Сборы днем или при свете костра. Растительность охотского типа».

Хотя в предисловии к публикации дневника 1928 г. утверждается, что «А.И. Куренцов прибыл в Приморский край в составе экспедиции Зоологического музея Академии наук», мы считаем, что это не так, ведь давно очерчен круг лиц, официально участвовавших в ней, и даже их маршруты. За справкой обратимся к составленному авторитетным ученым-старожилом края герпетологом А.А. Емельяновым (1937) «Очерку исследований наземных животных Дальнего Востока».

Амурская зоологическая экспедиция АН СССР 1928 года «ставила своей задачей изучение фауны высших позвоночных, птиц и млекопитающих. <...> В состав экспедиции входили два маммолога – С.А. Оболенский и А.Н. Формозов, и два орнитолога – Б.К. Штегман и Л.М. Шульпин. С.И. Оболенский в течение четырех месяцев работал в окр. Владивостока, в Посыетском, Спасском и Сучанском районах Уссурийского края, и, затем, в Амурской области. Б.К. Штегман производил орнитологические сборы в р-не Благовещенска, ст. Радде, в Малом Хингане, около ст. Кумары и Джалинды, затем вместе с С.И. Оболенским к северу до Большого Невера и севернее в Становой хребет, к истоку Тимптона, и обратно через хребет Тукурингра. А.Н. Формозов вел исследования (около четырех с половиной мес.) в южной части Уссурийского края (Владивосток, Гродеково), затем в Сихотэ-Алине (в верховьях Имана, бухте Тетюхе) и в низовьях Амура близ Софийского, Мариинского, на оз. Кизи, бухте Таба. Л.М. Шульпин работал (в течение пяти с половиной мес.) на оз. Ханка, р. Лефу, ст. Дормидонтовка Дальневосточной ж. д. и, затем, вместе с А.Н. Формозовым в долине р. Тетюхе, в верховьях р. Иодзыхе, хребте Сихотэ-Алинь, бассейне р. Сучана, Софийском (на Амуре), оз. Кизи, бухте Таба» (Емельянов, 1937). Кроме того, очень странно выглядело бы участие в экспедиции 3М человека, не являвшегося штатным сотрудником.

Нам представляется, что ситуацию объясняет фраза А.И. Куренцова из воспоминаний «У порога науки»: «Перехожу к своему пребыванию в Ленинграде в 1928 г, когда после совершенной по заданию Зоологического института АН [верно – музея] поездки в Уссурийский край я пробыл там почти всю осень, оформляя свое поступление на географический факультет Ленинградского университета» (Куренцов, 2002).

Очевидно, командирование было произведено по воле кого-то из друзей-энтомологов 3М, с которыми Алексей Иванович познакомился в 1923 г., передав часть уссурийских коллекций. Кто-то из них и является заказчиком вояжа. Проведение энтомологических сборов на облюбованной еще в 1921–1922 гг. хорошо знакомой трассе узкоколейной железной дороги от станции Кангауз (ныне – с. Анисимовка) до Сучанских угольных шахт вполне могло быть услугой за содействие сотрудников 3М в «оформлении поступления» на учебу в вуз, ведь некоторые из них там работали по совместительству. Но, скорее всего, таким образом произошло «орабочение» А.И. Куренцова (вспомним упорно проводимую ЦК ВКП(б) политику по «пролетаризации» социального состава советского студенчества). Так из весьма подозрительного «лица интеллигентного труда» он превратился в простого «коллектора-энтомолога», стопроцентного представителя рабочего класса.

«Будучи не только географом, но и биологом (энтомологом), я с первых же дней приезда [в 1928 г.] в Ленинград посещал ЗМ, где встретил ранее известных мне братьев И.Н. и Н.Н. Филипьевых, Н.Я. Кузнецова, Г.Г. Якобсона и познакомился с орнитологами Б.К. Штегманом, А.М. Левановым, Л.А. Портенко, Л.М. Шульпиным, с энтомологами А.П. Семеновым-Тянь-Шанским, А.Н. Кириченко, А.В. Мартыновым, А.А. Рихтером, М.Е. Тер-Минасян, маммологами Т.С. Виноградовым и К.К. Флеровым». «Вместе с Н.Я. Кузнецовым мы целыми днями сидели, определяя «загадочных» бабочек, собранных мной в Уссурийском крае, особенно интересны ему были сборы ночных орденских лент. Помню, какое удовольствие нам доставило изучение нового для фауны Дальнего Востока и России рода *Leucodrepana* из семейства серпокрылок». «Еще более знаменательный случай был в том же Зоологическом музее с Н.Н. Филипьевым (раньше он обрабатывал мои уссурийские сборы шелкопрядов и совок, а теперь вплотную засел за обработку листоверток). Когда я, возвратившись из экспедиции в Уссурийский край, демонстрировал ему сборы листоверток, то он, широко раскрыв глаза, словно ястреб, выхватил из ящика крупный экземпляр гигантской листовертки, который выделялся величиной и яркой окраской» (Куренцов, 2002). Он оказался новым, еще неизвестным науке видом, которого Николай Николаевич назвал *Eurydoxa advena* (см. Filipjev, 1930b). Понятно, что А.И. Куренцов всю жизнь был к этой бабочке по-отечески неравнодушен и гонялся за ней повсюду, где только надеялся встретить.

Основываясь на словах хорошо знавшего обоих исследователей И.В. Кожанчикова (1953) о том, что «интерес к сибирской фауне чешуекрылых сохранился у Н.Н. Филипьева до конца жизни и поддерживался на основе общения с энергично работавшим по энтомологии в южном Приморье А.И. Куренцовым и собирателем [И.Ф.] Палшковым [1887–1954]», мы склонны считать Николая Николаевича Филипьева, наравне с Николаем Яковлевичем Кузнецовым (1873–1948), главным наставником молодого А.И. Куренцова в лепидоптерологии. Правда, при этом не следует забывать, что в первые годы пребывания в Приморье он, безусловно, не избежал серьезного влияния опытного любителя А.К. Мольтрехта (1873–1952) и консерватора музея Н.П. Крылова (годы жизни неизвестны), ведь атлас-справочник А. Зейтца (Seitz A., 1909. «Die Gross-Schmetterlinge der Erde»), без которого то время было нереально определять виды дальневосточных бабочек, имелся только у них во Владивостоке, в Обществе изучения Амурского края.

Итак, в результате изучения вопроса мы пришли к неожиданному даже для себя выводу. Почти забытая нынче Сучанская ботаническая экспедиция, организованная ЮУОРГО в смутные времена гражданской войны и интервенции (не случайно А.И. Куренцов после 1937 г. старался не упоминать о своем пребывании в Приморье в это время), удивительным образом способствовала не только научному росту ее любознательных участников, на всю жизнь увлекшихся изучением уссурийской тайги. Благодаря уникальным сборам, причем не одних лишь насекомых, но и хвойного растения, родового эндемика гор Сихотэ-Алиня микробиоты *Microbiota decussata* Kom., 1923, найденного в тот день, когда И.К. Шишкин и А.И. Куренцов вместе поднялись на вершину г.

Хуалаза, (ныне – г. Криничная), она подвигла на исследования юга Дальнего Востока целый коллектив зоологов-систематиков ЗМ АН СССР! Возможно, здесь не обошлось без деятельного участия выдающегося ботаника академика АН и Ученого секретаря РГО В.Л. Комарова, описавшего это растение, но наше предположение еще нуждается в документальной проверке.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор искренне признателен сотруднику ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН (г. Владивосток) Е.А. Беляеву за обсуждение темы и предоставление редких литературных источников.

ЛИТЕРАТУРА

Аноним. 1928. [Хроника.] Экспедиции и исследования Приморья в 1926 и 1927 г. *Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества.* 1(18): 105–114.

Гассовский Г.Н. 1930. Экспедиционно-стационарные исследования в южном Сихотэ-Алине летом 1929 года. *Научные новости Дальнего Востока.* Владивосток. 1: 17–23.

Дьяконов А.М. 1927. Зоологический музей. Уссурийская энтомологическая экспедиция (1926 г.). *Отчеты по АН СССР за 1926 г.* 2: 108–116.

Дьяконов А.М. 1936. Научные результаты энтомологических экспедиций Зоологического института в Уссурийский край. Пяденицы (Geometridae) Амурско-Уссурийского края. 2. Триба *Saberini* и ревизия некоторых родов этой группы. *Труды Зоологического института АН СССР.* 3: 475–531.

Емельянов А.А. 1937. Очерк исследований наземных животных Дальнего Востока. *Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР.* Владивосток. 27: 7–35.

Кожанчиков И.В. 1953. Памяти Николая Николаевича Филиппова (1882-1943). *Энтомологическое обозрение.* 33: 363–368.

Куренцов А.И. 1922. К фауне чешуекрылых в окрестностях города Никольска-Уссурийского. *Список наблюдений 1920 года.* Владивосток: Типография Военной академии. 44 с.

Куренцов А.И. 1925. К фауне чешуекрылых Южно-Уссурийского края. *Русское энтомологическое обозрение.* 19(1-4): 149–152.

Куренцов А.И. 1959. *Животный мир Приамурья и Приморья.* Хабаровск: Кн. изд-во. 263 с.

Куренцов А.И. 1970. О развитии энтомологических исследований на Дальнем Востоке в годы Советской власти. *Энтомологические исследования на Дальнем Востоке.* Владивосток: ДВФ СО АН СССР. С. 5–12.

Куренцов А.И. 2002. У порога науки. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова.* Вып. 12. Владивосток: Дальнаука. С. 5–22.

Ольденбург С.А. 2017. Научная экспедиция. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* 6: 514–550.

Резвой П.Д. 1931. Научные результаты Дальневосточной гидрофаунистической экспедиции Зоологического музея в 1927 г. II. Краткий очерк исследованных экспедицией водоемов. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(3-4): 495–496.

Рябов М.А. 1958. Памяти А.М. Дьяконова как энтомолога (1886-1956). *Энтомологическое обозрение.* 37(2): 473–475.

Смирнов И.С., Смирнов А.В., Синев С.Ю. 2016. Александр Михайлович Дьяконов (1886-1956) – зоолог, энтомолог, основатель Отделения иглокожих Зоологического института РАН. *Отчетная научная сессия по итогам работ 2015 г. Тезисы докладов. 12-14 апреля 2016 г.* Санкт-Петербург: изд. Зоологического института: 30–33.

Слепкова Н.В. 2019. Зоологический музей и институт в Петрограде–Ленинграде: от Первой мировой до «Великого перелома» (1914 – середина 1930-х гг.). *Труды Зоологического института РАН.* 323(3): 268–312.

Чистяков Ю.А. 2011. А.И. Куренцов: Дневник об экспедиции в Уссурийский край в 1928 году. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 21.* Владивосток: Дальнаука. С. 5–125.

Шергалин Е.Э. 2019. Светлой памяти энтомолога Алексея Николаевича Дьяконова (1907-1989). *Астраханский вестник экологического образования.* 1(49): 196–203.

Шишкин И.К. 1923. Сучанская ботаническая экспедиция. *Приморье. Его природа и хозяйство. Сборник статей, составленный научно-просветительной секцией Приморского губернского выставочного бюро.* Владивосток: изд. Владивостокского отд. Госкниги. 88–100.

Djakonov A.M. [1933]. Wissenschaftliche Ergebnisse der Entomologischen Expeditionen des Zoologischen Museums in dem Ussuri-Lande. VI. Die Geometriden (Lepidoptera) des Amur-Ussurigebietes. I. Die Gattung *Eilicrinia*. *Труды Зоологического института АН СССР.* 1(3-4): 491–500.

Diakonoff A.N. 1957. Aleksandr Mikhailovich Djakonov (1888-1956). *The Lepidopterists' News.* 11(1-3): 56–57.

Filipjev N.N. 1927. Zur Kenntniss der Heterocereren (Lepidoptera) von Sutschan (Ussuri-Gebiet). *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 28(2): 219-264.

Filipjev N.N. 1930a. Wissenschaftliche Ergebnisse der entomologischen Expeditionen des Zoologischen Museums in dem Ussuri-Lande. III. Übersicht der ostsibirischen Arten der Gattung *Peronea* Curtis (Lepidoptera, Tortricidae). *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(3-4): 497-528.

Filipjev N.N. 1930b. Lepidopterologische Notizen. VII. Eine neue Tortricidengattung aus den Gebirgen des Ussuri-Gebietes. *Доклады Академии Наук СССР.* А(14): 373–375.

Kirichenko A.N. 1931. Résultats scientifiques des expéditions entomologiques du Musée Zoologique dans la région de l'Oussouri. IV. Hemiptera cryptocerata. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(3-4): 431–440.

Meyer N.F. 1930. Résultats scientifiques des expéditions entomologiques du Musée Zoologique dans la région de l'Oussouri. I. Hymenoptera, Ichneumonidae. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(2): 165–180.

Pleske T.D. 1930. Résultats scientifiques des expéditions entomologiques du Musée Zoologique dans la région de l'Oussouri. II. Diptera: Les Stratiomyiidae, Erinniidae, Coenomyiidae et Oestridae. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(2): 181–206.

Rylov V.M. [1933]. Résultats scientifiques de l'Expedition hydrofaunistique du Musée zoologique dans la Sibirie orientate en 1927. IV. Les Eucopépodes d'eau douce de la region de l'Oussouri (Crustacea). *Труды Зоологического института АН СССР.* 1(2): 243–280.

Smirnov S.S. 1930. Résultats scientifiques de l'expédition hydrofaunistique du Musée Zoologique dans la Sibirie orientale en 1927. III. Crustacea, Phyllopora conchostraca. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(3-4): 441–447.

Stackelberg A.A. 1930. Résultats scientifiques de l'Expédition hydrofaunistique du Musée Zoologique dans la Sibérie orientale en 1927. I. Diptera, Dolichopodidae, gen. *Dolichopus* Latr. *Ежегодник Зоологического музея АН СССР.* 31(1): 135–163.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уссурийская энтомологическая экспедиция (1926 г.) (из: Дьяконов, 1927).

«Названная экспедиция в составе начальника, ст. зоолог А.М. Дьяконова, ст. зоолога А.К. Мордвилко и научн. сотрудн. Н.Н. Филиппева выехала из Ленинграда 4.04 и прибыла во Владивосток 20.04. В это время в Уссурийском крае весна была только в самом начале: хотя снег всюду уже сошел, но деревья и травы еще не начали распускаться. Время до 28.04 было употреблено на то, чтобы, путем переговоров с местными деятелями и знатоками края собрать необходимые сведения и окончательно остановиться на выборе места для базы экспедиции, а также закупить необходимое снаряжение. При выборе базы экспедиция руководилась следующими соображениями: в исследуемом районе желательно было иметь возможно большее разнообразие растительных формаций, в частности, наличие широколиственных пород реликтовых третичных лесов; затем желательно было заняться исследованием района, достаточно удаленного от линии железной дороги, где природа не была бы сильно испорчена вырубками, распахивками и т.п., и, наконец, иметь место, защищенное от частых и обильных туманов и осадков, господствующих на побережьях и в ближайших к океану местностях.

В конце концов, экспедиция остановилась на д. Яковлевке, расположенной в б. Спасском уезде, в 70 км к В от Уссурийской ж.д., в долине р. Даубихэ [р. Арсеньевка] (как и Анучино), в западных предгорьях хребта Сихотэ-Алин. 28.04 экспедиция разделилась: А.К. Мордвилко, имевший специальное задание по обследованию фауны тлей, должен был предпринять ряд объездов, а А.М. Дьяконов и Н.Н. Филиппев выехали по железной дороге до г. Спасска и оттуда на лошадях к месту базы, в д. Яковлевку, куда и прибыли 30.04, так что 1.05 была уже предпринята первая экскурсия. Главным заданием этой части экспедиции был сбор чешуекрылых, а также и всех других насекомых. Решено было избрать стационарный план работы, чтобы, не тратя лишнего времени на переезды, возможно более полно обследовать сравнительно небольшой район и обратить особое внимание на смену фауны всего вегетационного периода. Кроме того, условие препаровки чешуекрылых также требовало стационарного способа сбора. Сборы производились с 1.05 до 20.09, что позволило проследить весь вегетационный период и собрать как весеннюю, так и летнюю и осеннюю фауну.

Обследованию подвергся район ближайших окрестностей д. Яковлевки, радиусом в 10-15 км, не считая единичных более отдаленных экскурсий. Окрестности д. Яковлевки можно вкратце охарактеризовать так. К В[остоку] протянулась широкая (местами до 15 км) долина р. Даубихэ, которая занята частью пойменными заливными лугами с обильной травой и разбросанными там и сям небольшим водоемами (заводы, озерки и болотца), частью густыми зарослями кустов и молодого лиственного леса. Состав этого леса чрезвычайно разнообразный с преобладанием осины, зарослей молодых *Juglans manshurica*, *Acer ginnala*, *Viburnum sargentii*, *Spiraea*, *Sorbaria* и разных других деревьев и кустарников. Долина эта тянется с ЮВ на СЗ. К С и СЗ разбросаны покосы и культурные участки полей, перемежающиеся с небольшими перелесками, расположенными обычно на небольших возвышенностях; на ЮВ и на Ю тянется сильно пересеченная местность с отдельными сопками высотой до 1.000 м, поросшая более или менее густым и разбросанным лиственным лесом с преобладанием *Quercus mongolica*, *Ulmus japonica*, двух видов *Tilia*, нескольких видов *Betula* и др.

Подлесок этих лесов, местами паркового, местами таежного характера, наиболее часто состоит из сплошных зарослей *Lespedeza bicolor*, далее разных *Lonicera*, аралиевых, дикого винограда и т. д. Почва здесь всюду, даже обычно по склонам сопок, сильно задернена, так что каменистые выходы основных пород (по-видимому, преимущественно,

базальты) встречаются только на вершинах сопок или кое-где по их склонам. Хвойных пород деревьев в ближайших окрестностях Яковлевки нет. Чтобы попасть в районы хвойных лесов, приходилось предпринимать уже более отдаленные экскурсии. Так, 16.05 была экскурсия в кедровник по Спасско-Яковлевскому тракту, 7.06 и 25.08 — в аналогичный кедровник по Лазаревской дороге; с 31.07 по 3.08 была совершена большая экскурсия на гору Св. Ильи и т.д. Эти хвойные леса, кедровники, состоят из смешанных деревьев [верно - древостоев]; из хвойных преобладают кедр (*Pinus koraiensis*), затем *Picea obovata* и *P. ajanensis*. В этом же лесу наблюдается богатое развитие разных лиственных деревьев, а в подлеске — разнообразных аралиевых и вьющихся (виноград, кишмиш, лимонное дерево). Сборы насекомых производились как днем, так и, особенно, вечером и ночью, на свет и на медовые приманки. Последний способ ловли дал по чешуекрылым особенно хорошие результаты. Ночные сборы производились частью в пределах самой деревни, главным же образом, на пасеке, расположенной в 6 км среди глухой тайги. За время с 1.05 по 20.09 было собрано 30.093 сухих насекомых, не считая некоторого количества в спирту. По отдельным отрядам это число распределяется следующим образом: Lepidoptera 12.299, Coleoptera 7.996, Diptera 1.530, Hymenoptera 1.567, Odonata 496, Orthoptera 855, Homoptera 781, Heteroptera 3.634 и т.д. Кроме того, собрано некоторое количество других беспозвоночных, а также птиц, земноводных и пресмыкающихся (напр., *Trionyx maacki* и их яйца).

Особое внимание было обращено на сборы Geometridae и на так называемых Microheterosera, которые обычно игнорируются собирателями ввиду их мелких размеров и трудности их препаровки. Из Coleoptera, прежде всего следует указать гигантского среди жесткокрылых и редкого усача *Callipogon relictus* Sem., типичного представителя реликтовой фауны третичных лесов, собранного в количестве 15 экземпляров. Помимо сборов животных и наблюдений над их экологией, экспедицией произведено свыше 100 фотографических снимков ландшафтов, растительных формаций и насекомых. 20.09 экспедиция выехала во Владивосток. Во время пребывания во Владивостоке А.М. Дьяконов дважды посетил Тихоокеанскую Научно-промысловую станцию, где ознакомился с постановкой исследовательских работ в зал. Петра Великого и определял собранных Станцией Echinodermata [иглокожих]. 7.10 экспедиция возвратилась в Ленинград.

Ст. зоологом А.К. Мордвилко была обследованы: окрестности Владивостока (Садгород с Ботаническим садом местного Отдела Государственного Русского географического общества в 25-30 км от города, станция Океанская и окрестности, станция Седанка и окрестности в 15 км); заповедник Кедровая Падь (на ЮЗ от Владивостока, через залив, от берега моря и до д. Нарва); в районе Сучанской узкоколейной ж. д. — д. Фроловка в 15 км к С от Сучана-2, станции — Сучан-2, Сица, Фанза, Партизаны, Кангауз; Приморская Сельско-Хозяйственная Опытная Станция около Никольска-Уссурийского; д. Яковлевка, в 70 км на В от г. Спасска, и станция Евгеньевка Уссурийской ж.д.; окрестности г. Хабаровска и подножье хребта Хехцир (станция Корфовская Уссурийской ж.д.).

Окрестности Владивостока служили и для наблюдений над циклами встречающихся там тлей, так как туда приходилось возвращаться, хотя бы на несколько дней, после каждой поездки в сторону и даже после посещения Хабаровска (6-14.09). Всего во всех этих районах собрано приблизительно 210-215 видов тлей, а так как в каждом районе к прежним прибавлялись новые формы (напр., в Хабаровском районе прибавилось 30 видов) и даже в последнее возвращение во владивостокский район было найдено еще 5 видов, которые не были раньше встречены ни здесь, ни в других местах, то общее число видов для Уссурийского края можно принять приблизительно в 300. <...> Помимо тлей, А.К. Мордвилко собирал и разных других насекомых».

Дальневосточная гидрофаунистическая экспедиция АН 1927 г. (из: Аноним, 1928)

«Экспедиция в составе А.В. Мартынова [начальник], П.Д. Резвого, И.И. Соколова и А.А. Штакельберга, выехала из Ленинграда 13.05, прибыла во Владивосток 28.05, откуда 2.06 выехала на Сучан. С 3.05-7.06 члены экспедиции исследовали окрестности д. Майхе, близ Шкотово, р. Майхе, ручьи и некоторые стоячие водоемы. 8.06 члены экспедиции прибыли в Тигровую, где пробыли до 16.06, совершив поездки на Сучан (14.06 р. Каменную в р-не Сучана) и ст. Сицу (15.06, р. Малая Сица). А.В. Мартынов помимо гидрофаунистических работ, специально занимался сбором материалов по ископаемым растениям. В районе ст. Тигровой обследованию подверглась р. Б. Сица и ее притоки, а также большое количество мелких ручьев. 17.06 экспедиция возвратилась во Владивосток, откуда 21.06 выехала на ст. Евгеньевку для работ в районе р. Даубихэ, гл. обр., в окр. села Яковлевки. По пути следования экспедиции от ст. Евгеньевка до села Яковлевки были обследованы реки Одарка, Угоринза, Яковлевка и некоторые другие. В районе Яковлевки экспедиция работала до 4.07, причем за это время были затронуты изучением р. Даубихэ и многочисленные озера, в большинстве своем имеющие характер стариц, частью соединенные с р. Даубихэ, частью – вполне обособленные; близ пасаки Квашука был подробно обследован залив реки.

Вернувшись 5.07 на ст. Евгеньевку, экспедиция разделилась на две части: А.В. Мартынов поехал на ст. Бикин для обследования фауны р. Бикин и ее притоков, тогда как остальная часть экспедиции в составе П.Д. Резвого, И.И. Соколова и А.А. Штакельберга направилась в район озера Ханка от ст. Мучная по Камень Рыболов, с остановками для сбора материала на реках Лефу (6.07) и Мо (7.07). Прибыв 8.07 в Камень-Рыболов, экспедиция проработала в районе Рыболов до 13.07, уделив большую часть своего времени фауне самого озера Ханка. 13.07 экспедиция выехала в село Старая Девица, где обследованию подверглась река Мо в нижнем ее течении. 16-18.07 предприняли поездку на баркасе в залив Лебехэ и в устье реки Лефу, с остановкой на мысе Рыба-Конь, причем в последней части поездки (от Рыба-Коня до Лефу) главное внимание было обращено на фауну зарослей, покрывающих берега озера Ханки. 21.07 экспедиция выехала из ст. Девицы через ст. Мучную в Хабаровск, куда прибыла 23.07. В районе Хабаровска внимание экспедиции было обращено, гл. обр., на фауну Амура и Усури. Вследствие крайне неблагоприятных условий работы, экспедиция прервала ее в районе Хабаровска и разделилась на отдельные группы. И.И. Соколов 31.07 по служебным обстоятельствам должен был выехать в Ленинград, А.В. Мартынов 30.07 выехал для работ в район Благовещенска и р. Зеи, П.Д. Резвой 3.08 вернулся во Владивосток и направился для обследования южного района: Сидими - Кедровая падь, а А.А. Штакельберг вновь отправился для обследования осенней фауны в район Тигровой, где пробыл с 2 по 6.08. Научные результаты экспедиции: следует отметить богатые материалы по водной и околородной фауне пресных вод. Эти материалы по их обработке дадут, вероятно, довольно полную картину водной фауны Уссурийского края и распространения по краю отдельных ее представителей. Особенно богато представлены в сборах экспедиции некоторые группы насекомых, в частности, ручейники и двукрылые, некоторые группы пресноводных моллюсков и рачков; довольно значительны также сборы по планктону».

[2-я] Уссурийская энтомологическая экспедиция 1929 г. (из: Дьяконов, [1933])

«Состав: начальник, ст. зоолог А.М. Дьяконов, ст. зоолог А.Н. Кириченко и научн. сотрудн. Н.Н. Филиппев. Исходным пунктом этой второй энтомологической экспедиции (1929 г.) была деревня Виноградовка в верховьях реки Даубихэ (которая на этом отрезке называется Тудагоу), в 30 км к Ю от крупного села Анучино (конечного пункта Никольск-Уссурийского почтового тракта), примерно 43°40' с.ш. и 133° в.д.

[Как нам удалось выяснить, по плану экспедиция должна была базироваться в с. Архиповка, то есть у подножия г. Лаблаза (ныне – г. Облачная, высшая точка Южного Сихотэ-Алиня). Но не смогла. Этому есть свидетельство зоолога Государственного Дальневосточного университета Г.Н. Гассовского, который с группой студентов первым из ученых 20-21 июля совершил на нее восхождение. По пути туда он «для найма вьючных лошадей отправился 2 июля верхом в Виноградовку, в 33 км к юго-западу от с. Муравейка. Здесь обосновались для своих работ зоологи АН СССР А.М. Дьяконов, А.Н. Кириченко и Н.Н. Филиппов, не смогшие достичь с. Архиповки ввиду размыва дороги между селениями Яковлевкой и Чугуевкой и трудности пути по партизанской тропе из с. Муравейка» (Гассовский, 1930)].

Долина реки здесь узкая, не шире 2-3 км, местами каньонообразная. Берега в основном высокие, обрывистые или даже скалистые. Лишь вдоль реки узкая полоса долины занята посевами или огородами, в остальном местность дикая и мало затронутая людьми, покрытая бескрайними труднопроходимыми лесами. Малые и большие ручьи образуют несколько боковых каньонов и пересекают этот лесной массив. Кроме лиственных деревьев, характерных для Уссурийского края (разные виды лип, *Betula*, *Ulmus*, *Quercus mongolica*, *Julians mandschurica*, *Phellodendron* и др.), имеется богатая примесь хвойных, местами растут почти чисто хвойные леса из *Pinus koraiensis*, *Abies nephrolepis* Max., *Picea obovata* и *ajanensis*, с одиночными стволами *Taxus cuspidata*, а кое-где есть насаждения из сосны *Pinus funebris* Kom. Этот район существенно отличается от окрестностей Яковлевки, главным образом тем, что там преобладает невысокий влажный лиственный лес, который здесь заметно уступает, сменяясь первозданным смешанным лесом или даже по преимуществу хвойным, – горного типа. Вероятно, это связано со значительно более высоким положением окрестностей Виноградовки. Эти экологические различия обусловили встречу ряда видов, полностью отсутствовавших в Яковлевке, и наоборот, многие обычные в той виде влажных долинных лесов попадались в Виноградовке крайне редко или же отсутствовали вовсе.

В районе Виноградовки нами были посещены следующие биотопы:

Падь Калугина: первый распадок на левом берегу р. Тудагоу к Ю от Виноградовки; долина эта вначале была довольно широкой, заросшей кустарниками (жимолостью, сиренью амурской, чубушником, шиповником, дикой грушей и др.) и разнообразными лиственными деревьями влажных уссурийских лесов, с небольшими лугами и травяными выгонами. Посещаемое скотом, это место было очень продуктивным на различные виды геометрид [пядениц] (мы посетили его 9, 13, 16, 19-20, 22, 26, 27, 28.05; 3, 8, 13, 14, 16, 21, 24.06; 1, 7, 28.07; 9.08).

Дальше от реки Тудагоу этот распадок сужается, становится каньонообразным и постепенно переходит в густой смешанный первобытный лес ([уссурийскую] тайгу). В месте разветвления ручья надвое (т. н. «Стрелке») растет уже типичная тайга с большим количеством хвойных (мы ловили здесь 16.05, 1-2.06, 5-6.08).

Федоровская сопка образует правый достаточно высокий склон описанного выше распадка, почти полностью заросший *Quercus mongolica* и некоторыми другими лиственными деревьями (была посещена нами 14.05). (Сопкой в Восточной Сибири обычно называют холмовидную гору. В Уссурийском крае горные хребты почти всегда делятся на такие отдельные «сопки», между которыми находятся долинообразные или ущельеобразные впадины – «пади»).

Ближняя сопка: заросшая лиственным лесом сопка, находящаяся сразу за ЮЗ окраиной села Виноградовка; отделена от других глубокой и густо заросшей падью. Обильный подлесок из различных кустарников, местами *Rhododendron parvifolium* (посещали 6, 13, 22.06).

Дегтянка – довольно высокая гора западнее Виноградовки; очень интересное и своеобразное место; сначала идет болотистое место с парковым лиственным лесом, затем молодой березняк с сочной травой, очень скоро переходящий в густые дебри преимущественно хвойных пород; наконец, настоящий хвойный лес из *Pinus koraiensis*, *Abies nephrolepis* и елей с крупными висячими лишайниками и с каменистыми склонами, покрытыми мхом (посещали ее 10, 21.05; 8-9.07).

Корейский ручей – стекает с северных склонов горы Дегтянка в глубоком скалистом ущелье и впадает в реку Тудагоу у Корейской хижины в 3 км к С от Виноградовки; на правом берегу место, обильно заросшее кустарником, с несколькими поврежденными пожарами лиственными деревьями (посещали 17, 21.05; 20.06).

Средняя падь: на правом берегу реки Тудагоу напротив Виноградовки; лиственный лес (посещали 18.05).

Падь за пасекой Павлова: узкая, как труба долина ручья на правом берегу Тудагоу к ЮВ от Виноградовки; сначала густой широколиственный лес с *Lespedeza* и различными *Araliaceae*, затем смешанный первобытный лес, через который трудно пройти; место, очень богатое чешуекрылыми (была посещена 11-12, 26-27.06; 23-24.07; 1-2.08).

Третий луг: небольшой луг на склоне горы, окруженный густым лиственным лесом в 4 км ЮЮВ от Виноградовки на правом берегу реки Тудагоу (посещен 30-31.05).

Четвертый луг: 16 км ЮЮВ от Виноградовки на правом берегу р. Тудагоу; пасека на берегу реки; сначала широкое пространство с парковым лиственным лесом и сочной травой; далее густые заросли смешанного леса со множеством хвойных деревьев; окружен довольно высокими холмами, некоторые из которых со скалами; место, очень богатое разнообразными чешуекрылыми (ловили здесь 6-7.06; 11-12, 16-17, 29-30.07).

Сухановская сопка: в 10 км севернее Виноградовки на левом берегу р. Тудагоу; густой широколиственный лес с леспедецей и аралией (посещена 19-20.07).

Утес (т.е. скалы): каменистый крутой склон горы в 18 км к северу от Виноградовки на левом берегу р. Тудагоу; северные склоны покрыты чистым сосняком; внизу заболоченные луга с буйным кустарником (был посещен 26-27.07).

На берегу реки: у д. Виноградовка; приречные луга и густые кустарники (были обследованы 12.05; 10,22.06; 14.07; 7.08).

Деревня Виноградовка (ловля на свет 3, 5, 6.07; 4, 7.08)».